

ВОСПОМИНАНИЯ БИБЛИОФИЛА И СОБИРАТЕЛЯ ДОКУМЕНТОВ И АВТОГРАФОВ*

Автор предлагаемых читателю «Воспоминаний», академик Николай Петрович Лихачев, родился 12 апреля 1862 г. в г. Чистополе Казанской губернии в небогатой помещицкой семье с вековыми культурными традициями. Окончил гимназию и университет в Казани. Доктор русской истории (1892). Член Археологической комиссии (1894). Преподаватель дипломатики, сфрагистики и всеобщей истории писем в Археологическом институте в Петербурге, преобразованном в 1923 г. в археологическое отделение университета (1894 — 1926). Член-корреспондент Академии наук (1901). Помощник директора Публичной библиотеки (1902 — 1914). Хранитель Палеографического кабинета, созданного им из своих коллекций и переданного в 1918 г. Археологическому институту (1918 — 1925). Ученый сотрудник Академии истории материальной культуры (1919 — 1929). Директор Музея палеографии, преобразованного из Палеографического кабинета и перешедшего в ведение Академии наук. Действительный член АН СССР (1925). Арест, тюрьма, следствие и ссылка в Астрахань по «академическому» делу (1930 — 1933). Скончался 14 апреля 1936 г. в Ленинграде. Реабилитирован (1967). Восстановлен в Академии наук СССР (1990).

Однако, если ограничиться лапидарными строками послужного списка (немало, впрочем, говорящими всякому, знакомому с отечественной историей), то тогда для потомства может потеряться главное в этом человеке — богатая событиями, путешествиями по России и Европе и достижениями жизнь одаренного, трудолюбивого и деятельного человека. Истори-

ка российского служилого класса, историка древнерусского искусства, источниковеда («по преимуществу»), дипломатиста, палеографа, кодиколога, филиграноведа, нумизмата, сфрагиста, археографа, библиотечного деятеля, библиографа, книговеда, музееведа. Деятельного члена многих исторических и историко-культурных обществ, участника их издательских предприятий. Автора более 160 опубликованных научных трудов, многие из которых и поныне сохраняют научную ценность, и немалого числа неопубликованных. Основателя первой в России кафедры дипломатики, превосходного и неутомимого лектора. Одного из первейших в России собирателей произведений древнерусской живописи (и первого их исследователя-ученого) и предметов церковного искусства. Прирожденного «рьяного библиофила»¹, страстного коллекционера рукописей, актов и автографов. Истового собирателя печатей, монет и многих других предметов. Иными словами — выдающегося отечественного ученого и коллекционера Николая Петровича Лихачева².

¹Такую репутацию он снискал уже в студенческие годы. Один из его университетских профессоров преподнес ему отгиск со следующей надписью: «Отдельный отгиск из журнала „Волжский вестник“, изданный в одном экземпляре для рьяного библиофила Николая Петровича Лихачева на память от редактора-издателя журнала Н. П. Загоскина. 6 декабря 1883 года. Николин день. № 1-й и единственный» (Ленинградское отделение Архива АН СССР. Ф. 246 (Н. П. Лихачев). Оп. 4. Ед. 221. Л. 1).

²Подробнее см.: Климанов в Л. Г. Ученый и коллекционер, известный всей России, еще более Европе//Репрессированная наука. Л., 1991. С. 424—453.

Все, если не считать икон (бывших особым личным пристрастием коллекционера еще тогда, когда произведения древнерусской живописи с научными целями собирал он один), приобреталось с целью создать научный музей, в котором была бы исчерпывающе представлена история развития письменности в наиболее представительных образцах. Идея проистекала из фундаментальной лихачевской концепции «исторического источниковедения» — серьезная коллекционерская идея всегда концептуальна (скажем, младший современник Лихачева Стефан Цвейг собирал авторские рукописи писателей — чтобы создать «представительный портрет творческого начала»). Что касается Н. П. Лихачева, то он, «как все знали, — свидетельствует близкий ему человек, — был помешан на своем знаменитом музее и на приобретении в него новых сокровищ, всяких „белых ворон“, как называл Николай Петрович свои известные приобретения; большая неизменная любовь, прошедшая через всю жизнь Лихачева, был его музей. Все деньги шли на него»³.

Иконы, заполнившие дом и оказавшиеся как бы вне идеи, в 1913 г. перешли в Русский музей, дав возможность полученные за них деньги обратиться на практическое создание музея. Последующие три года прошли в неустанных трудах по разработке и распределению собранных материалов (чему в немалой мере невольно способствовали обстоятельства военного времени, закрывшие доступ в Европу). Постепенно стала оформляться экспозиция музея.

Вскоре после революции музей был передан создателем в ведение Археологического института (это обеспечило охрану государства) и, по счастью, избежал той судьбы, которой более всего боятся коллекционеры — распыления коллекции. Но мечту о завершении создания музея пришлось оставить на долгие и тревожные семь лет. Возможность возобновить работу появилась только в 1924 г. Однако и после перехода музея в Академию наук дело шло не быстро — в штате было лишь два сотрудника, включая директора, академика Н. П. Лихачева. Да и средств отпущалось немного, директор порой добавлял свои. Все же за пять лет трудов экспозиция была в основном создана, структура музея четко оформилась.

Работа над созданием музея, задуманного Николаем Петровичем Лихачевым, была близка к завершению, но по обстоятельствам времени закончена не была, и музей даже не сохранился в том виде, к какому был приведен создателем к началу 1930 г. Музей подвергся всецелым преобразованиям, коллекции разошлись по раз-

личным научным учреждениям и музеям страны (некоторые исчезли совсем). Музея не стало. Вскоре не стало и его дерзновенного создателя, лишенного мечты, дела жизни, орудий ремесла и средств для нормального существования.

Да, музея нет, но труд, запечатленный в опыте, все же остался. Тот, кто заинтересуется собирательской деятельностью Н. П. Лихачева и его взглядами на коллекционерство, найдет об этом немного опубликованных свидетельств. Между тем опыт такого выдающегося и единственного в своем роде коллекционера чрезвычайно ценен и должен быть сохранен для истории отечественной культуры. Тем более, что сам он тщательно и кропотливо собирал и изучал опыт других коллекционеров. Своим первым казанским учителем библиофилизма и тем, кого он называл «учителями жизни, действовавшими не словами, не проповедью, а личным примером» (главным образом, Н. Ф. Федорову, с которым познакомился в 1884 г., едва начав заниматься в Румянцевском музее), сохранял глубочайшую благодарность до конца жизни. Был близок с замечательным, ныне, к сожалению, почти забытым ученым и собирателем И. В. Помяловским, за 20 лет до Лихачева познакомившимся со многими европейскими антикварами, с которыми впоследствии сотрудничал и Лихачев (Бэр, Бокка, Гирзман, Пьери). Для этой же цели собирал и автографы коллекционеров, а также готовил «специальный реферат о роли любителей и коллекционеров в образовании общественных древлехранилищ»⁴, послужив и в этом деле неоспоримым примером.

Представляется своевременным внести запечатленный в «Воспоминаниях» опыт такого уникального ученого-коллекционера, непревзойденного «постигателя тайн» своих коллекций, каким, несомненно, был Н. П. Лихачев, в сокровищницу отечественной культуры (хотя, как очевидно, практическая часть этого опыта пригодится едва ли). Многим мы обязаны также любви Лихачева к писанию писем, его эпистолярной культуре, столь естественной для человека его среды и поколения, его дисциплине человеческих отношений. Благодаря этому в его архиве и в архиве его корреспондентов сохранилось много ценных свидетельств о его взглядах не только на коллекционерство, но и на различные стороны современной ему жизни.

Важнейшей частью коллекционерского опыта является постижение практической, прозаической, будничной стороны дела. Известно, что эта сторона любого искусства редко фиксируется. Это относится и к искусству коллекционирования. В познании этого неочевидного архив Лихачева, сохранивший тысячи листов счетов

³Боровкова-Майкова М. С. Мои воспоминания об академике Н. К. Никольском и Н. П. Лихачеве. 1936 г. // ЛОА АН СССР. Ф. 738 (В. В. Майков). Оп. 3. Ед. 26. Л. 21 об.

⁴См.: Лихачев Н. П. Дипломатика (лекции). Ноябрь 1903 г. Лекция I // ЛОА АН СССР. Ф. 246. Оп. 1. Ед. 84. Л. 74.

и писем антикваров всей Европы, позволяющих воочию убедиться, как много труда стоит за словами собирателя: «...десятилетиями я рыскал всюду и собирал крупницы от западноевропейских богатств для того, чтобы доставить русским ученым самостоятельный материал для изучения»⁵. Вдумайтесь в этот труд: это и ведение двойной коллекционерской бухгалтерии (от кого и что, кому, куда, за что, сколько — и не забыть перед очередной поездкой рассчитать со всеми), и переписка с антикварами (сохранилась корреспонденция более 200 антикваров из Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Голландии, Греции, Дании, Египта, Испании, Италии, России, США, Турции, Франции), и несчетное число записей на папках с документами и автографами, на пакетиках с монетами и печатями, и работа с каталогами. Этот кропотливый повседневный собирательский труд заслуживает специального исследования и отдельной статьи, в которой не была бы обойдена и важная сторона собирательства — финансовая.

О «трудовой» стороне собирательской работы почти не говорится в публикуемом материале. Ведь это грустные воспоминания о безвозвратно ушедшем, поэтизирующие коллекционирование, где перед нами раскрывается интереснейшая и единственная в своем роде в отечественной библиофильской литературе картина европейского антикварно-книжного дела, увиденная российским коллекционером; воспоминания, где отражены размах и культурное значение коллекционерских связей, представлена типология собирателей и антикваров. Но и рассказанного достаточно, чтобы заронить в душу непредвзятого читателя почтительное уважение к самоотверженному собирательскому труду. Остается надеяться, что наша публикация будет принята не просто как памятное свидетельство о давнем и невозвратном прошлом, но и как поддержка нынешним библиофилам и собирателям документов и автографов. И кто знает, может быть, в их полку прибудет еще хоть один добровольный подвижник.

«Воспоминания» — это доклад, «реферат», как называл его сам автор, прочитанный Лихачевым в Русском обществе друзей книги (почетным членом которого он был) в Московском Доме ученых 26 июня 1925 г. Текст печатается по машинописной копии записи доклада, сделанной, по всей вероятности, М. С. Базыкиным и найденной в его фонде М. Д. Эльзоном (ЦГАЛИ. Ф. 702 (М. С. Базыкин). Оп. 1. Ед. 55). Правка чернилами дает основание предполагать, что докладчик ознакомился с записью, но в то же время против этого свидетельствует заглавие машинописной копии — «На чем основаны мои права на воспомина-

ния?», которое логичнее считать первой фразой, сказанной докладчиком.

В архиве Лихачева сохранился набросок, имеющий авторский заголовок «К реферату „Воспоминания библиофила и собирателя документов и автографов“»⁶, не оставляющий сомнений в том, что он является конспектом доклада в РОДК.

Следует отдать должное и памяти М. С. Базыкина, активного члена РОДК, погибшего еще совсем молодым. Базыкин, считавший себя учеником Лихачева, писал ему: «...с малолетства отдав себя искреннему поклонению книге и воспринимая в Вас идеал и высшее утверждение служения книге... нам, еще совершенно юным плетцам книжного дела, Вы всегда являетесь собою то великое достижение, до которого никому из нас не дойти. То, что создано Вами, уже с полным утверждением можем сказать, никогда и никем в России не будет создано. (...) Вы твердо и бесповоротно творите свой подвиг. При всех самых тяжелых условиях нашего не только личного, но и семейного бытия из Вашей сокровищницы не ушел ни один памятник общечеловеческой культуры. Ни один иностранец и ни один антикварий не похитил ни одной вещи Вашего неоцененного собрания. Наша же Россия показала, что таких людей у нас почти нет. Они у нас на почет. Тем выше, тем крепче Ваша сила и Ваша правда и тем глубже и сильнее оценит Вас истинно культурное общество»⁸. Думается, что и сегодня к этим словам нечего добавить.

* * *

На чем основаны мои права на воспоминания? На том, что полстолетия назад впервые обратил внимание на бумажки, на десятилетиях собирания; на том, что чрезвычайно активная деятельность, сношения с сотнями лиц и ежедневные получения писем и каталогов сменились кабинетным безмолвием — когда ни одного письма, ни одного каталога¹. Горделивые мечтания о грандиозных изданиях², о

⁶ЛОА АН СССР. Ф. 246. (Н. П. Лихачев). Оп. 1. Ед. 139. Л. 8 — 11.

⁷См. о нем: Берков П. Н. История советского библиофильства. М., 1983. С. 30, 108, 123, 128, 138 — 139, 160, 200.

⁸ЛОА АН СССР. Ф. 246. Оп. 3. Ед. 66. Л. 1 об. — 2 об.

⁵Лихачев В. Н. Письмо М. С. Боровковой-Майковой. Астрахань, 17 янв. 1933 г. // ЛОА АН СССР. Ф. 738. Оп. 4. Ед. 40. Л. 1 об.

показательном музее³, о ряде специальных исследований — заменились грустным сознанием вынужденной беспомощности!

Конечно, для меня все в прошлом, все в том, что уже давно приобретено. Но не в этом дело — дело в том, что прошлое сделалось *прошлым не только для меня*. Стена, раздавившая меня, ставшая между мною и прежним внешним миром, есть результат явлений мирового значения. Грозный период, который мы переживаем, подчеркивает незабываемость основ экономики. Четыре года, проведенные обезумевшим человечеством в истреблении ценностей и накопленных благ, составили такую фантастическую растрату собственного благополучия, что жизнь решительно всех слоев населения претерпела значительные изменения.

В области, к которой могут быть относимы мои воспоминания, не только я, но и *новые любители с моими средствами* — встретятся с *новыми* условиями собирания, приобретения, вывоза, хранения. Тот мирок, в котором я вращался, изменился во многих отношениях.

Собирание автографов есть одна из верхушек книголюбия, но с ним тесно связано. Вслед за содержанием книги является вопрос о ее внешности. Известно положение (для прежнего времени): библиофилы — это те, что книги переплетают. У кого книги не переплетены, это признак, что книги в данном случае или только орудия ремесла, или просто предметы потребления (как, например, трамвайные билеты, афиши и т. д.).

После переплетов, вопроса об изяществе книги и ее украшении (иллюстрации) возникает вопрос о портрете автора и уже потом об автографе автора. Почерк есть частица человека, его интеллект. Понятно, почему так

Н. П. Лихачев

принято теперь давать факсимиле известных знаменитых авторов: подлинный автограф есть нечто живущее — частица самого автора. Но подняться до этого ощущения приходится немалой подготовкой⁴.

Любительские страсти — весьма разнообразны. Собираательство есть облагороженное накопление и по мере развития культуры все расширяется и находит все новые и новые формы. Явление собираательства касается не индивидуумов, а масс. Явление, несомненно, массовое, лишь только оно становится доступным массе.

Перед великой войной *филателия* (собрание марок) охватила невероятное количество любителей, начиная от младенцев и кончая миллиардерами и королями. Без всякого преувеличения, испорченная штемпелем марка стала международной валютой⁵. Перед войной громадное распространение

ние получило собрание иллюстрированных почтовых карточек. Говорили, что при помощи своих консулов и других чиновников Вильгельм II имел коллекцию в несколько миллионов экземпляров.

Однако не следует объяснять распространение того или иного собрания *исключительно общедоступностью*. Рядом действуют и иные *экономические законы*. Так, мы присутствуем при необыкновенном развитии литературы об экслибрисах и обилии собирателей. Экслибрис не есть экземпляр монеты или марки, выпущенных в огромном количестве экземпляров. Экслибрис имеет элементы индивидуального творчества и отражает вкус и развитие хозяина. В первый, «исторический» (теперь уже) период — экслибрис был таким же завершением библиофильства, как специальный переплет.

Теперь это изменилось — экслибрис собирается сам по себе, вне книги и без отношения к ней. Он долетает сам себе. Но внутренний смысл его остался. Верно то, что теперь, может быть, никакой и библиотеки нет, а одно собрание экслибрисов. Но это не значит, чтобы такое собрание равнялось наклейке в альбом марок. Чтобы оценить экслибрис, надо художественное развитие, надо пройти дорогу, иногда длинную, для понимания графических памятников⁶.

В собирании экслибрисов теперь мы видим след экономической конъюнктуры. Сливки собирательства — книги с иллюстрациями, гравюр, литографий и даже картин, — стесненные в помещениях, материальных средствах, удовлетворяют свои возвышенные стремления в новых композициях малого размера.

Развитие собирательства покоится не на отдельных индивидуумах, а на *массе*. Отдельные личности — одни при помощи капитала, через самих

же представителей предложения, другие более при помощи интеллекта и энергии вылавливают лучшее, интереснейшее, но торговля всегда стоит на массовом покупателе.

Торговля автографами в Западной Европе вполне сорганизовалась и даже выработала понятие о средних ценах, но по времени мы находимся лишь как раз на столетнем юбилее этой *новой* отрасли коммерции. В сущности же настоящая торговля с научной подкладкой развилась только с половины XIX столетия⁷. Впереди шла Франция, с ней старалась сравняться Германия, затем Италия и только на четвертом месте Англия, аукционные каталоги которой нередко грешили неточностями.

Коммерция опиралась на многочисленного потребителя, который искал письма знаменитостей разного рода, современных или последних однодвух столетий. Ни задач палеографических, ни задач исторических, но этот покупатель приобретал девять десятых содержания и каталогов и *dossiers*. Эта среда состояла из буржуев с повышенными культурными вкусами, из интеллигентов, иногда полупролетарского типа, несмотря ни на что, с лишениями окружавших себя реликвиями любимых писателей или эпох.

Другой группой стояли литераторы и ученые. Эти собирали для специальных исследований по истории местности, учреждения, корпораций, отдельных исторических деятелей и выдающихся писателей. Собирали с целями лингвистическими (например, акты на новых языках), с целями палеографическими. Охватывали более широкие эпохи и спросом вызывали предложение.

Третью группу составляли богатые коллекционеры, в число редкостей, заслуживающих их внимания, включавшие и автографы. Тут действовала

мода, и на то, что было в моде, цены несоразмерно поднимались. Во главе таких богачей-собирателей раритетов стояли американцы (в самой Америке эта отрасль торговли еще не успела развиться)⁸.

Страшная всемирная война менее коснулась этой третьей группы, но ужасно поразила первые две, основные — европейские. Сокращение торговых оборотов, вздорожание продуктов и постепенное невыносимое повышение налогов вместе с падением валюты не только в странах-победенных, но и в странах-победительницах совершенно изменили положение скромных книголюбцев. Достаток, излишки доходов и заработка канули в минувшее, вопрос о сведении концов с концами стал насущным, а на *прожиточный минимум* собирательства не начнешь.

Спекулянты, поставщики, игроки на бирже — все вновь обогатившиеся, все эти нувориши не доросли до собирательских страстей вообще и до понимания прелестей автографов в частности. Кинуть деньги на заказ метров на сто книг в кожаных и пергаментных переплетах для украшения кабинета, это иногда еще может быть; в исключительных случаях покупка какой-нибудь прославленной редкости — может случиться, но трудолюбивое постоянное собирание — это не их дело.

Меняется спрос, меняется и предложение. Разоряются одни фирмы, более крепкие приспособляются к новым условиям. Американские вкусы, американские цены! А кроме того — государственные перегородки, всеобщее недоверие, визы, цензуры, чуть ли не раздевание на каждой границе. Прежний мир ушел в прошлое.

В иных условиях любительства пришлось мне возвращаться более четверти века. Малые революции не

уничтожают, а больше разбрасывают бумаги. В Италии с наполеоновскими войнами, уничтожениями монастырей, с борьбой за объединение — многое вышло из государственных архивов и архивов учреждений, целые фамильные архивы поступали на рынок к торговцам. А каменные дома Италии хорошо берегли содержимое, если только злокозненная человеческая рука умеренно не уничтожала это⁹.

Вступление мое на собирательство в Европу произошло в счастливую эпоху рынка, насыщенного коллекциями нескольких больших коллекционеров, рынка с таким количеством материала, что он полностью не мог быть проводим через печатные каталоги. Многие удавалось приобретать лично, без конкуренции.

Вступил я в Европу уже зрелым человеком, доктором наук, профессором Археологического института, членом Археологической комиссии, со стажем по истории документа и бумаги¹⁰. Более десятилетия я уже «собирал» в России, и, конечно, с этого следует начать воспоминания.

Студентом получены фамильные бумаги. В Казани — несколько столбцов, но материал мало и случайно встречался¹¹. Поездки в Москву открыли, где центры. Этими центрами были: Старая площадь, Большаковский и Шибановы¹². Кирилло-Белозерский архив. П. П. Шибанов как инициатор и в этой области: первый специальный каталог продажных автографов (документы встречались и в книжных каталогах)¹³. Произвольность цен, случайность нахождения автографов и случайность оценки; обычная дороговизна и несоразмерность. Эпизоды с Шибановым — «запоет». Автографы Арсения Мациевича. Грамота Ивана Грозного¹⁴.

Тот же случайный характер каталогов и цен у Шилова, Котова, Соловьева. «Сверточки» и отдельные листки на рынках: Балчуг, Старая площадь, Апраксин рынок. Востряков Матвей Петрович, Большаков Степан Тимофеевич (в конце Фадеев и Старицын), Кириллов, Казаков.

По квартирам у иконников. Даниловские старцы с «грибками» из Вологды¹⁵. Столь же случайно у антикваров — Савостин, Черномордин; наибольшее внимание из антикваров обращал Веркемейстер.

Очень ценно было содействие ходячих книжников. Самый большой собиратель автографов П. Я. Дашков¹⁶ не ходил по лавкам, к нему все само плыло. Причина этого: открытый прием с вином, колоссальное количество знакомых, слежка. Наследство Валуева¹⁷.

Вообще же цены в России были дороги, и лучше было искать в Западной Европе, куда уходили и многие русские коллекции (например, Богушевского¹⁸). В Западной Европе центр внимания был обращен на письма. Хартии и документы, архивно-исторический материал не интересовал ни массу собирателей, ни миллиардеров. Приобретали его государственные архивы и музеи (очень избалованные своими богатствами) и немногие отдельные личности. Поэтому цены стояли доступные — булла XIII века¹⁹ стоила дешевле подписи Шиллера. Трудности описания хартий, их определения хронологического и в смысле подлинности (*copies figurées*)²⁰ были причиной, что документы не попадали в каталоги — почва для личного искательства и отсутствия соперничества при просмотре папок.

Хотя я поехал в Европу уже доктором наук, но начал изучать новые для меня области: музеи, архивы, историю средневекового искусства, историю документа. Многому пришлось учиться²¹.

Италия. Первое путешествие и пер-

вые знакомства с антикварами, почему-то почти всецело рынок этот в руках евреев²². Интеллигентность и наблюдательность, сознание невыгоды дешевого обмана (случай со мной в Риме — единственное исключение, а Тоффоли²³ в Венеции — по его словам, «единственный антиквар-христианин» — он-то меня и надул). С Тоффоли в Венеции и начались мои хождения²⁴. Неопытность и постепенное ознакомление, был упущен Равеннский фрагмент²⁵, но зато многому научился, работая в архиве ai Frari и выставке в Salone Margherita²⁶.

Первые знакомства в Риме — три Росси: Джованни Баттиста, известный археолог²⁷, Джанкарло, граф, камергер папы²⁸, Дарио — книги чудесной сохранности через него. Критика Гризара²⁹, Tesoro Sacro³⁰, разорение его [Джанкарло]. Богатая квартира! Целый этаж дворца. В это время уже престарелый, седой аристократ, высокого роста, с очень живыми манерами. Энтузиаст, всегда был с сильными страстями — овладевала новая страсть, и он готов был продать все, пожертвовать всем. Продал изумительную коллекцию итальянских монет. Необычайное собрание документов и автографов: коллекция монсиньора Анджелини³¹, едва ли не целиком из коллекций Суччи³², Корвизьери³³ и др. Моя переписка с Росси, его упреки. Смерть Дарио Росси и покупка его собрания фирмой Гильюфер и Раншбург в Вене³⁴. Этот факт был поворотным и для меня.

Пьетро Пьери — его собрание; в каком виде я его застал³⁵. Частица архива Аллация³⁶. Знакомство с Ольским, его любезность, несмотря на малые мои покупки³⁷. Журнал³⁸, описание коллекции автографов Лоцци (музыканты, начиная с XV века)³⁹. История с Сиенскими переплетами⁴⁰.

В Неаполе — знакомство со стариком Казелла⁴¹, приобретение у него влажных (?) пергаменов XV — XVII веков. Архив в Неаполе и его разру-

шающееся здание⁴², знакомство с Никколо Бароне (автором о бумажных знаках и *scrittura umanistica*)⁴³.

В следующие поездки — первые годы XX века — я уже горячо взялся за западноевропейскую дипломатику, получил навык и задал себе специальные задачи.

В течение ряда лет я при личных свиданиях («просительные недели») и путем переписки просматривал и добывал материал собраний Росси у Гильхофера и Раншбурга в Вене, у которых всеми рукописями заведовал ученый, доктор Шварц: два вагона картонов, постепенная раскладка, наша торговля с глазу на глаз.

Зимой — каталоги с ценами и каталоги аукционов, летом — просмотр папок. Почему многое не попадало в каталоги? Отсутствие рыночного спроса и ценности (почему интересные иногда мне уступались очень дешево), боязнь переполнить рынок. Пример — случай провала драгоценной коллекции графа Паара⁴⁴.

Изобилие подделок в собрании Росси⁴⁵ и добросовестность Шварца — не более двух случаев, когда я обманулся, дорого заплатил, но определил гораздо позднее. Могу представить особый доклад. Но редчайший случай приобретения писем гуманистов представился именно в этом огромном собрании⁴⁶.

Часть коллекции Росси и Корвизьери попала к Луиджи Аццолини из рода Аццолини деи Манфреди, самому крупному и самому образованному собирателю автографов в Италии конца XIX столетия. Обаятельная личность Аццолини — маленький, изящный, бритый (бывший брюнет). Громадное собрание, целый склад, образовавшийся из покупок целых архивов, но для себя — строго отделяемая коллекция, по возможности *l. a. s.* или, в крайности, *l. s.*⁴⁷, документы с автографами также только в крайности. Один-два типичных образца почерка, портрет⁴⁸. Время — с начала автографических

подписей выдающимися лицами (XIV в.) и вплоть до современности, лица малоизвестные пренебрегались. Все, что не входило в этот кадр, обменивалось или уступалось за деньги. Собрание и изучение автографов было целью жизни Аццолини. От продажи он получал средства для новых покупок. Дружба моя с Аццолини, приезд его в Виареджо, неделя разговоров, уговор приобретения архива Марескотти⁴⁹. Аццолини чувствовал, что умирает.

Случай с Пирпонтотом Морганом, его предложение 300 тысяч⁵⁰. Отказ Аццолини от предложения «уступить» тысячу автографов за 50 тысяч, среди них несколько ценнейших, одно *l. a. s.* Тициана стоимостью никак не менее тысячи. Визит Моргана — рассказ Аццолини, «All right». Случай со мной — требование автографа Бенвенуто Челлини⁵¹. Рассказ служащего у Т. Де Мариниса⁵² о приеме у Моргана и о трех рукописях, содержащих творения Данте. Рассказ покойного Оноре Шампиона⁵³ о покупке Морганом оригинала «Гептамерона» Маргариты Наваррской⁵⁴.

Торговля автографами в Риме. Пио Люццетти, лавочка его на piazzetta Аракели (характеристика магазина и хозяев)⁵⁵. Каталоги — любил я его малого формата каталоги с разнообразным шрифтом. Постоянные сношения с Люццетти⁵⁶. Антонио Гено (самый грязный человек в Риме) — несчастный интеллигент-знарок, говорили, что не всем показывал⁵⁷. Морганте и его богословские рассуждения (христианин)⁵⁸, Нардекья⁵⁹. Сильвио Бокка⁶⁰ — эпизод с книгой, принадлежавшей Рабле, и квитанциями из архива Пенитенциарии.

В Милане — только Клеричи (и вещевой антиквар) среди антикварных предметов всегда имел автографы и документы⁶¹, но в Милане Гепли издал руководства Ванбьянки и графа Будана⁶². В Милане были громадные

Экслибрис Н. П. Лихачева

ценнейшие собрания, их я уже не застал: Морбио⁶³, Муони⁶⁴, Арригони⁶⁵, в Милане в частных руках было целое собрание кодексов, принадлежавших Петрарке⁶⁶. Я попал временно на затишье, но именно миланские документы широко распространились по Европе, и я их ловил в разных местах из вышеуказанных коллекций.

Благодаря книге Будана я попался на мошенничество графа Полити Фламини⁶⁷. Как он меня надул — обещание папских булл. Старец высокого роста с длинной седой бородой. (Я имел право поверить, потому что мне предлагали и у меня есть опись архива рода Орсини, купленного Ватиканом.)

Флоренция. Третий великолепный архив и выставка в витринах⁶⁸. Во Флоренции у меня были две точки опоры, увы! теперь уже не существующих.

В маленькой лавочке, выходявшей углом на две улицы, помещался антиквар ВивIANO Гвасталла⁶⁹, с виду — маленькая седенькая обезьянка с бачками. Среди всевозможных вещей, с весьма значительным преобладанием дешевого хлама, были и папки с автографами. Делились по сериям с громкими названиями, на обложках

автографов частенько были фантастические определения и фантастические цены, но в случае чего можно было сойтись и купить недорого. Старик был милый; настолько аполитичен и равнодушен к религии, что только после его смерти я узнал, что он был еврей, «израелита», и умер едва ли не девяноста двух лет. Как и об Аццолини, о нем у меня самые приятные, благодарные воспоминания.

Магазин Т. Де Мариниса, молодого неаполитанца, кончившего университет, очень образованного, библиофила и палеографа — на новый, американский манер большие зеркальные стекла, витрины. Подбор исключительный книг, переплеты, рукописи, реклама при помощи роскошных каталогов с воспроизведениями. Внимание к любителям и моде. Т. Де Маринис вошел и сам в моду — сношения с Морганом и другими миллиардерами, умение достать и отыскать. В несколько лет Т. Де Маринис расширился и даже обзавелся маленькой виллой в окрестностях Флоренции. И он, и его «сотоварищ», служивший у него и также университетант⁷⁰, были со мной в наилучших отношениях. Мы начинали делать все большие дела, приглашаем я был и на виллу, а в 1914 г., перед войной, Т. Де Маринис приехал в Лидо, где я был, и мы объехали Венецию кругом — первый и единственный раз, что я был на моторной лодке. Много хорошего показал он мне в этот раз, много было предложений. Увы! В текущем 1925 г. состоялся аукцион библиотеки Т. Де Мариниса за прекращением торговли⁷¹. Производил аукцион дом Гепли, знаменитая фирма, также мне хорошо известная лично в антикварном ее отделе (самого Гепли я не видал), фирма, могучая в средствах⁷². В каталоге аукциона я не увидал, однако, ряда соблазнов, неудержимо меня манивших: переплетов XV века с надпечатками и особенно писем — письма Савонаролы и письма Тициана.

Возникал третий центр торговли автографами во Флоренции — фирма Брусколи, я попользовался немного — письма, интересные только с внешней стороны (формат, адрес, способ запечатывания), — из маленького фамильного архива⁷³.

Но были надежды, каким не суждено было исполниться! В знаменитом Сиенском архиве я работал по истории бумаги и как раз просматривал carteggi⁷⁴ с письмами XIV — начала XV века. Бури политические мало исхитили из этого колоссального архива, но все же мне удавалось в печатных каталогах находить документы сиенского происхождения — сам же у антикваров Сиены ничего не нашел.

Германия. Дом Жозеф Бэр во Франкфурте в течение полстолетия обслуживал почти монополично Российскую Публичную библиотеку, доставил, между прочим, и библию Гутенберга⁷⁵. Автографы и документы имелись, но как случайность, однако, в последнее время бывали даже отдельные каталоги. Роскошный пятиэтажный дом, внутренняя широкая лестница и кругом показательный как бы музей книги. По другую сторону дома, где на балконе угощали меня чаем, озеро, окруженное громадными деревьями. Бэр не платит за это подачей, но обязан поддерживать весь парк, как место важное для общественной гигиены.

Розенталей в Мюнхене было три брата — Людвиг, Жак (Якоб) и Натан. Унаследовали они колоссальный капитальный склад в миллион томов, разделились, между прочим, и натурой. Больной, очень невзрачный физически Натан ликвидировал дело, распродавая с уступкой свои запасы теологических книг (вязки в три ряда на широчайших полках). Жак Розенталь сосредоточился на рукописях, роскошных иллюминированных инкунабулах, на выдающихся переплетах, вообще на вещах исключительных и

драгоценных. У него я раз мельком видел самого большого собирателя Англии, у него видел и помещение товара в несгораемых шкафах⁷⁶.

Людвиг Розенталь — старший из братьев и самый могучий коммерсант⁷⁷. Когда я его видел, он был уже седой старик небольшого роста. Дела велись по немецкой старине (как, например, у Харрасовица)⁷⁸ — не магазин, а контора: показывают каталоги, а не книги. Отметьте — сходят, принесут книги.

Один из моих дебютов к Л. Розенталю оказался очень для меня лестным. У меня заранее были отмечены книги и предложена уступка в 10 %. Сидел, дожидался, вдруг из-за дверцы вышел какой-то старик и спросил: «Это Вы отметили книги?» Я сказал: «Да!». Старик посмотрел на меня, буркнул: «Вы понимаете толк» — и опять исчез за дверцей. Позднее мы виделись еще несколько раз и подольше.

После несчастной войны с Америкой⁷⁹ обедневшими испанцами много культурных ценностей было выброшено на рынок. Агенты антикваров вывезли множество рукописей, книг, хартий, документов и автографов. Много пошло в Париж, много в Мюнхен к Розенталю, в Лейпциг — к Гирземану⁸⁰.

Документы на пергамене не быстро находили место в каталогах. Мне дозволено было посмотреть папки. Я отобрал и просил назначить цену. Один кусочек пергамена был особенно прост и невзрачен, но я за ним гнался. Я возмутился и спрашивал «почему?», когда Л. Розенталь назначил карандашиком 100 марок, но он взглянул на меня и сказал, что это — малая булла Иннокентия III⁸¹.

Лео Липмансон⁸², А. Кон⁸³, И. Штаргардт, Лист и Франке — не только старые фирмы, торгующие автографами, но и с подразделением на специальности. Так, Лист и Франке специально занимались автографами

музыкантов, и у них можно было встретить очень ценные автографы (и ноты и письма)⁸⁴. Штаргардт, как и Гильхофер и Раншбург, обращал внимание на геральдику⁸⁵. У них бывали собрания (и даже целые каталоги) *Wappenbriefe*⁸⁶, драгоценных пергаменов с гербами, хартии пожалования дворянства, герба, графского титула. Штаргардт занимался и документами печатными в оригинальных изданиях на отдельных листах с подписями и печатями — указы и циркулярные распоряжения властей. На моей памяти такие листы вошли в моду, если они относились к XV столетию, цена возросла от пяти до десяти марок. Это — так называемые *litterae indulgentiarum*⁸⁷ и указы императоров. В 1894 г. я не хотел заплатить 40 марок netto (хотел 10 % уступки) за распоряжение Максимилиана I 1499 г. (у Штаргардта), а около 1910 г. этот самый экземпляр пошел с аукциона за 400 марок.

Каталоги немцев замечательны систематизацией, до которой не дошли и французы. Да и собиратели очень характерны⁸⁸. В обычае поклонение писателям, собирали следы — реликвии всей семьи и круга, среди которого писатель или деятель вращался. Для Шиллера и Гете, например, подбирают автографы бабушек, дедушек, братьев, сестер, няньки, приемышей, всех, кто мог быть знаком. Некоторые распродававшиеся собрания в этом отношении очень и научно любопытны. Правда, надо быть осторожным. Поклонение Гете очень повысило цену каждой его подписи, и нашлись люди, которые снабдили сфабрированными ими письмами даже внуков и правнуков Гете, чтущих великого предка. То же и с Шиллером.

В Дрездене занималась торговлей автографами фирма Р. Бертлинга⁸⁹. У нее попадались хорошие документы.

В Германии же были распроданы драгоценные собрания Радовица⁹⁰, Паара, Позонци⁹¹, Кона⁹², Кюнцеля⁹³,

Лемперца (с архивом рода Тициана)⁹⁴ и мн. др. Аукционы располагались не более двух в год, чтобы не подорвать покупательной силы клиентов.

На одном из аукционов разыгралась история с автографом Лютера. Цена на автографы Лютера и Эразма — громадна. За каждый экземпляр борются не только любители, но и городские германские хранилища⁹⁵. А письмо было замечательнейшее, считалось навсегда утраченным (собственноручное письмо Лютера императору Карлу V, когда ехал на сейм в 1520 г.). Случаи «пущивания»⁹⁶ и «проваливания» на аукционах — общеизвестны, но тут бой принял невероятные размеры. Помнится, молоток опустился на 98 тысячах марок золотом без процентов расходов и комиссии. Оказалось, что письмо приобретено по поручению Пирпонта Моргана, который поднес его Вильгельму II как верховному представителю лютеранства. Морган получил желаемое — звезду Черного орла. Сделка была ловкая, ведь на деньги — чох на чох — Вильгельм не продал бы орла и за миллион марок.

Англия — страна старой культуры. В ней и воспроизведения факсимиле бумажных водяных знаков, и факсимиле автографов, и руководства, и сборники автографов появились раньше, чем в других странах. Но торговля автографами не достигла научности Франции и Германии, несмотря на то, что Англия изобилует коллекционерами и притом наиболее крупными⁹⁷. Совершенно исключительны были, например, сэр Филипс⁹⁸ и Альфред Моррисон⁹⁹.

Небрежность большинства аукционных каталогов объясняется тем, что в Англии покупатель сам должен видеть, что покупает, и автограф обратное не принимается, тогда как во Франции точность описания и определения гарантирована. Основной тип английских каталогов — роскошные каталоги для богачей и с очень высокими

ценами. Таковы каталоги Пирсона, братьев Мэггс¹⁰⁰, Трегаскиса¹⁰¹. С двумя последними я был в сношениях и иногда покупал, но Пирсон даже не ответил мне, когда я просил сообщить подписную цену каталогов, не гарантируя покупок.

Аукционная деятельность (особенно более чем столетней фирмы Сотби)¹⁰² в Англии очень велика. Аукционы идут за аукционами, и видно, что потребителей в Англии много и с хорошими средствами. Хороший, выдающийся автограф английский в Англии купить можно разве что миллиардеру.

Очень ценные вещи иногда встречались в книжных каталогах знаменитой фирмы Кварича¹⁰³.

В последние годы перед войной в Англии занялся торговлей автографами и документами некий клерджимен Барнард¹⁰⁴. Большой любитель, знаток и необыкновенно тщательный. Его каталоги рассчитаны были на научного любителя с историческими и палеографическими интересами, в них помещались вещи, совершенно чуждые обычным собирателям. Цены выставлялись умеренные. Мои сношения с этим новым типом коммерсанта и в то же время ученого любителя стали очень расширяться, и в Лондоне остался документ, мною приобретенный и неточно описанный. Не видав, не могу определить... вещь для меня интересная или нестоящая копия.

От Америки приходилось иметь больше слухов, чем каталогов¹⁰⁵. В Америке, несомненно, были собрания автографов, проходили аукционы, но все это как-то мало доходило до Европы. Общее впечатление, что главный контингент — просто хвастающиеся своими собраниями собиратели «редкостей», и в области автографов, слава богу, не было таких изданий, как об нефритах (Бэргона) или как каталоги Пирпонта Моргана, нарочито недоступных для публики. Снимаются с рынка и скрываются от любителей

оригиналы, делаются описания и воспроизведения и тоже скрываются от публики. Я выписывал журнальчик из Америки, очень неважный и часто пропадавший на почте.

Через маленькую фирму Хенрики в Берлине, с молодым основателем которой я познакомился в первый же час, как он открыл крохотную лавочку¹⁰⁶, я приобрел несколько документов Кирилло-Белозерского монастыря, оказавшихся в Берлине и приобретенных в Чикаго на аукционе. Любитель из Чикаго проходил по Старой площади мимо лавки Шибанова и соблазнился экзотическими письменами¹⁰⁷.

Франция. Во Франции торговля автографами достигла наибольшей системы и научности. По времени она образовалась раньше других стран (может быть, потому, что именно Франции принадлежат ранние и самые знаменитые коллекционеры). Однако торговля началась и развивалась как-то сразу. Адвокат и писатель Вильнав, собиратель, устроил аукцион своих дублетов 24 апреля — 7 мая 1822 г. (фирма Плюке). С этого года начались каталоги (в Англии — первый аукцион в 1823 г.), а в 1828 г. стала выходить знаменитая «*Isographie des hommes célèbres*» Берапа¹⁰⁸. В 1836 г. появился даже «*Manuel de l'amateur d'autographes*».

В Париже образовалось два знаменитых дома Шараве. Жак Шараве 11 марта 1843 г. выпустил первый каталог и на ноябрь 1845 г. первый «*Bulletin d'autographes*» с обозначенными ценами. Сыновья его Этьен и Ноэль Шараве создали первый по значению и научности торговый дом на улице Фюрстенберг. Издается журнал «*L'amateur d'autographes*» и каталог «*Bulletin d'autographes*» с ценами. Брат Жака Шараве Габриель родился в 1818 г. и был моложе Жака, наследовал торговый дом Лаверде¹⁰⁹ и основал «*Revue des autographes*» (каталог с ценами), издающийся до настоящего времени.

Знаменитого Этьена Шараве, архивиста, палеографа (он окончил Школу хартий) я почти не застал, хотя видел его и переписывался с ним. Он считался лучшим экспертом едва ли не всей Европы и очень гордился своим репутацией¹¹⁰. На уличенных им фальшивых автографах он тотчас ставил штамп негодности. Э. Шараве угас молодым, он был замешан в дело Дрейфуса как эксперт и, кажется, вначале признал знаменитое бордеро подлинным¹¹¹. Потом думал, что ошибся, и эта ошибка его замучила.

У Ноэля Шараве был помощник — автор известной «*Isographie de l'Academie Française*», маленького роста, скромный, но очень ученый палеограф¹¹². От Н. Шараве за долгие годы переписки и знакомства я приобрел очень, очень много¹¹³; и по каталогам, и по предложениям из Парижа, большей частью просто с присылкой самих оригиналов, а также при личных свиданиях. Маленький кабинетик, уставленный полками с картонками, расположенный в два этажа на узенькой улице около уничтоженного знаменитого бенедиктинского аббатства Сен-Жермен-де-Пре, мне очень памятен, и приятные воспоминания и волнения с ним связаны. Там находил я желанные звенья великой дипломатической выставки, о коей я мечтал. При личных свиданиях просматривал по каталогам, иногда давали, но частично, посмотреть некоторые запасы — *dossiers*. Один раз пришел и просматривал каталоги какой-то молодой человек. Я спросил — у него, сказал Ноэль Шараве, хорошо идет торговля молоком, он подбирает автографы современных писателей. Я посмотрел на него с сочувствием и уважением.

Репутация Шараве как экспертов стояла так высоко, что единственный раз, когда Шараве прислал мне поддельную папскую буллу, купленную для меня в Лондоне на аукционе и мною посланную обратно, Ноэль Шараве не промолчал, а написал подробное

письмо: «Вы совершенно правы. Получив документы из Лондона, я их не пересмотрел, булла действительно подделана и больше не обманет никого — я ее бросил в огонь. Деньги записаны на Ваш счет». Другой бы, конечно, отделался молчанием.

Другая фирма Шаравеев «Вдова Габриеля Шараве» была несколько менее значительна по материалам, но также иногда владела превосходными вещами¹¹⁴. Небольшая квартира была увешана витринами с автографами, иногда такими, что сейчас возбуждали желание, зависть. Но цена — препятствовала. Однажды маленькая старушка антикварша заметила мне, но сожаление, что не могу купить у нее хорошенький геральдический переплет: «Было бы слишком хорошо, если бы мы имели все, что пожелали бы!» Это меня всегда утешало. Покойный Л. Н. Майков¹¹⁵ говорил мне, что он не собирает ничего, но «*Revue des autographes*», издаваемый «вдовой Габриеля Шараве», читает с удовольствием. А ведь это были простые каталоги с ценами! Дело в том, что там были экстракты и интересные примечания. Мнение знаменитого академика лучше всего характеризует научность скромного маленького торгового дома. Как нарочно, именно в 1914 г. я затеял весьма порядочную покупку у старушки, дочери Габриеля. Много было отложено до конца войны. Увы! Все осталось, все в прошлом¹¹⁶.

Я застал еще маститого старика А. Вуазена. Это было в начале моей деятельности. На скромный вопрос, что я хотел бы видеть старые документы на бумаге, старик вспылил: «Мало ли какие документы на бумаге. Мне время дорого». Но когда я разъяснил мою цель — историю бумаги и вопрос о филигранях, — старик смягчился, и мы были несколько лет друзьями.

Виктор Лемаль — более гравюрный магазин — издавал и каталог автографов. Магазин помещался на набережной: большое оконное стекло, кли-

енты приглашались по лесенке наверх и там разбирались в полках.

Братья Саффруа торговали всякими *bric-à-brac*: кроме документов, у них были и печатные листы, и книги, и печати, и печати перстневые. Чтобы попасть к братьям Саффруа, надо было выехать из Парижа за линию укреплений. При тогдашней непривычке к обыскам и осмотрам очень неприятно было, когда таможенники (*ostroi*) осматривали экипаж.

Будучи раз у знаменитого старца Оноре Шампиона, издателя и книгопродавца¹¹⁷, я пришел к нему в кабинет, в котором между прочими портретами библиофилов и людей науки висел и мой собственный портрет. Старец усадил меня против себя, кругом блистали образцы по истории переплета. Разговор зашел о Дубровском¹¹⁸. Шампион рассказывал, что у него есть материалы, и грозился обличить Дубровского, как тот нелегально скупал манускрипты.

Когда я выходил, за мною последовал молодой человек огромного роста и спросил, Лихачев ли я, представился и сказал, что барон Анри де Ротшильд, секретарем которого он состоит, просил бы меня посмотреть коллекцию автографов, подаренную ему одним из его родственников¹¹⁹. Я, конечно, тотчас же уговорился о дне и часе.

В 10 часов утра я был уже на улице Сент-Оноре и увидел низкое здание с одним рядом окон с решетками на высоте второго этажа, а рядом роскошный пятиэтажный дом. Вошел в вестибюль, старый еврей-консьерж встретил меня не приветливо, но когда я назвал фамилию секретаря, просил подождать. Через несколько минут пришел молодой человек, и мы пошли в низкое здание. Помещение оказалось конторой в несколько комнат, уставленных несгораемыми шкафами. Вид очень скромный, далекий от современных банков, помещение напоминало скорее почтовое отделение. День

был неприсутственный, и мы были одни. Это было гнездо Ротшильдов.

Из одного несгораемого шкафа была вынута огромная связка автографов. Собиралась она, вероятно, в 1860-х — 1870-х годах и потом так и пролежала десятилетия. Много было ценного и интересного, но не было драгоценной серии — собственноручных писем Генриха IV, которые барон собирался издавать с факсимиле, но если и издал, то сделал издание ни для кого не доступным. Я понял, почему хотели показать мне папку — я когда-то написал о подделке старейших итальянских автографов¹²⁰, и барону и его секретарю хотелось узнать, не обнаружу ли я подделки. При беглом осмотре я не заметил ни одного подозрительного автографа.

Перед концом осмотра в комнату вошел плотный брюнет среднего роста, с красивыми глазами, в пиджачной тройке. Я был с ним познакомлен. Несмотря на чистокровность, ничего специфически еврейского, манеры аристократические, простые и изящные. Но я подметил особенность, которая сказывалась у некоторых великих князей — врожденное сознание превосходства над положением прочих людей. Князь денег, который их не наживал и сразу попал в ряд над обыкновенными смертными. Короткий разговор был очень любезным.

Я откланялся и услышал за спиной: «Ну, а мы с Вами пойдемте завтракать!» Я, конечно, не мог рассчитывать на завтрак у Ротшильда (хотя он был холостой)¹²¹, но подумал, что было бы вежливее или подождать моего ухода, или сказать секретарю: «А Вы подите позавтракать с русским ученым, познакомьте его с нашими ресторанами». От меня уже зависело бы, принять или отказать.

Мимолетным знакомством с Ротшильдом я и закончу мои воспоминания.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикатор просит читателей учитывать, что в силу необходимости уложиться в отведенные для публикации страницы он отдавал предпочтение тем примечаниям и комментариям, которые помогают по возможности глубже понять текст «Воспоминаний» и прежде всего личность их автора — Н. П. Лихачева. Поэтому многие примечания — кратки, при том, что публикатор располагает обширным материалом, относящимся к персоналиям зарубежных собирателей и антикваров, и будет рад дать необходимые дополнительные разъяснения любознательному читателю.

¹ «Как много ценного и интересного встречается в таких маленьких антикварных каталогах! Когда-то я поглощал множество подобных каталогов, как книжных, так и содержащих автографы. Все прошло, но я по-прежнему нахожу утешение в книгах», — писал Н. П. Лихачев Э. Миннсу из Ленинграда в Кембридж в 1934 г. (ЛОА АН СССР. Ф. 246. Оп. 3. Ед. 39. Л. 9 об.).

² Вот лишь некоторые из задуманных изданий: справочник-свод по истории, родословию и геральдике русского дворянства в 175 томах, иллюстрированная история дипломатики, византийская и русская сфрагистика (две части позже изданы), сборник дипломатических и археографических экскурсов «Документы и автографы», внешняя история официальных и частных писем, подложные и фальсифицированные документы и автографы на Западе и в Московском государстве.

³ Летом того же 1925 г. Палеографический кабинет Лихачева (переданный им в 1918 г. Археологическому институту, в котором он преподавал с 1894 г.) перешел в ведение Академии наук и стал Музеем палеографии. Лихачев был избран действительным членом Академии, назначен директором музея и смог возобновить работу по его завершению, прерванную вновь, уже навсегда, арестом в начале 1930 г.

⁴ «Автографы по самой природе своей — результат развитой общественной жизни в стадии цивилизации, находящейся на значительной высоте. Автографы — продукт жизни и деятельности высшего класса, группы руководящей. Для понимания смысла собрания автографов, для того, чтобы достигнуть возможности наслаждаться рассматриванием и изучением этих иногда совершенно невзрачных памятников, — необходимы познания в области истории человечества, как политической, так и истории культуры, в области истории литературы, в области истории письмен... Только тогда автограф позволяет собирателю при рассмотрении как бы входить в общение с лицом, написавшим автограф, представляющий часть его Я, во всяком случае след его лич-

ности» (Лихачев Н. П. Собираательнице автографов//ГПБ. Ф. 1033 (Э. О. Визель). Ед. 194. Л. 1).

⁵ «Общедоступное, облегченное разнообразными альбомами и каталогами, собирательство почтовых марок оказалось настолько завлекательным, что в современном капиталистическом мире почтовые марки являются международной валютой, котирующейся как разные другие ценные бумаги!» (Там же).

⁶ См. об этом: Лихачев Н. П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки. Спб., 1913. Ч. 1. С. 5—8.

⁷ «Появившись в Европе едва ли не в прошлом XIX лишь столетии, страсть к автографам быстро разрослась, стала на научную почву и, неожиданно для многих, дала богатую жатву для историков» (Лихачев Н. П. Дипломатика. Спб., 1901. С. 69).

⁸ Как писал Лихачеву Э. Миннс из Кембриджа: «...цены у нас беда как повысились, с американцами мы не можем конкурировать: у нас ни государственной поддержки, как в Европе, ни бесконечных средств частных лиц, как за океаном» (ЛОА АН. Ф. 246. Оп. 3. Ед. 246. Л. 3 об.—4).

⁹ «Страна старой культуры, страна каменных построек, Италия является классической страной архивов и библиотек. В крохотных городках не редки обширные архивы, в частных домах обедневших патрициев често шкапы и сундуки набиты бумагами и не только фамильными, ибо государственные люди Италии оставляли в роду своем архивы, накопившиеся за время их деятельности» (Лихачев Н. П. Дипломатика. С. 66). «Италия давала большую возможность приобретать» — писал Лихачев В. Н. Бенешевичу 25 октября 1933 г. из Ленинграда [ЛОА АН СССР. Ф. 192 (В. Н. Бенешевич). Оп. 2. Ед. 107. Л. 1 об.].

¹⁰ Первая поездка — в августе 1892 г. после получения ученой степени доктора русской истории; членом Археологической комиссии назначен в 1894 г. и в том же году открыл курс лекций по дипломатике в Археологическом институте.

¹¹ См.: Записка Н. П. Лихачева о составе его архива//Летопись занятий Археологической комиссии за 1919—1922 гг. Пг., 1923. Вып. 32. С. 64—65.

¹² Знакомство с П. П. Шибановым началось с первого приезда Лихачева в Москву в 1884 г. и продолжалось до конца жизни. Лихачев был среди немногих, кому Шибанов послал для предварительного ознакомления свою «Дези-драга русского библиофила». Лихачев откликнулся подробным разбором (см.: Книга: Исслед. и материалы. 1989. Сб. 59), а затем выступлением при обсуждении в РОДК, набросок которого сохранился (ЛОА АН СССР. Ф. 246.

Оп. 1. Ед. 139. Л. 1—7). Вообще Лихачев называл московских букинистов «дорогими для сердца и кармана» (см. также: Лихачев Н. П. Характеристика научной деятельности П. П. Шибанова, 24 янв. 1923//ГБЛ. Ф. 342; Федорова В. М., Червяков А. Д. Архив Шибановых//Зап. отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1983. Вып. 44. С. 43У).

¹³ В 1885—1916 гг. издано 168 номеров каталогов «Антикварная книжная торговля П. Шибанова». См. также: Шибанов П. П. Полвека со старой книгой и ее друзьями//Книга: Исслед. и материалы. 1972. Сб. 24; Друзья книги//Там же. 1973. Сб. 27.

¹⁴ К сожалению, мне не удалось расшифровать этот эпизод.

¹⁵ «В Мстере вступил в сношения с мстерскими иконниками; особенно плодотворно было знакомство со старинщиками из Данилова, приезжавшими в Петербург и Москву с вологодским маслом и сушеными грибами» (Записка Н. П. Лихачева о составе его архива. С. 65).

¹⁶ Дашков Павел Яковлевич (1849—1910). См.: Иваск У. Г. Частные библиотеки в России//Рус. библиофил. 1911. № 6. С. 83; Военский К. А. Памяти П. Я. Дашкова//Там же. 1911. № 1. С. 13—20; Шибанов П. П. Друзья книги. С. 171—172.

¹⁷ Валуев Петр Александрович (1815—1890), государственный деятель, романист, поэт. См.: Иваск У. Г. Частные библиотеки в России//Рус. библиофил. 1911. № 5. С. 48; Либрович С. Ф. На книжном посту. Пг.; М., 1916. С. 296—297; Зайончковский П. А., П. А. Валуев//Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1. С. 17—54.

¹⁸ Богусhevский Николай Казимирович (1851—1891), археолог, библиофил, собиратель автографов. См.: Иваск У. Г. Частные библиотеки в России//Рус. библиофил. 1911. № 3. С. 71; Русский биографический словарь. Спб., 1908. Т. 2а. С. 156—158.

¹⁹ Булла — общее название снабженных вислой свинцовой печатью («буллой») документов папской канцелярии. Запечатанные так документы восходят к VII в., название — не ранее чем к XIII в.

²⁰ «С древнейшей эпохи средневековых актов они, с целью по возможности реже прибегать к оригиналам ради лучшего оных сохранения, переписывались не только с сохранением внешнего вида, но и с подделкой подписей, причем никогда не отмечалось, что это не подлинник, а „сорие figurée“—всегда подозрительная в интерполяциях и поправках» (Лихачев Н. П. Дипломатика. С. 87).

²¹ Читая лекции (опубликованные и неопубликованные) и научные труды Н. П. Лихачева, поражаешься огромностью приобретенных им знаний.

²² Трудно пройти мимо этого замечания

Лихачева, совсем для него не случайного. Он принадлежал к той части отечественной интеллигенции, которая, раздумывая над историческими судьбами русского народа, не оставляла без внимания и роль еврейства в мировой, особенно новейшей истории.

²³ *Тодфолли* Давиде— в 90-е гг. посредничал в приобретении Лихачевым итальянских икон, главным образом с изображением богومатери (см.: ЛОА АН СССР. Ф. 246. Оп. 2. Ед. 104. Л. 260, 263).

²⁴ Хождения в Италию, так как первое путешествие 1892 г. началось с Константинополя.

²⁵ Возможно, речь идет о редчайшем папиресе, проданном К. Корвизьери (см. примеч. 33) в Англию (Лихачев Н. П. Дипломатика. С. 70).

²⁶ Государственный архив в Венеции, помещающийся в бывшей церкви.

²⁷ *Росси* Джованни Баттиста (1822—1894), археолог, эпитаграфист, которого друживший с ним Н. П. Кондаков считал «одной из достопримечательности Рима». В Латеранском музее в 1923 г. установлен его бюст.

²⁸ *Росси* Джанкарло жил в палатце Одескальки. Сохранилось интересное его письмо Лихачеву из Рима от 2 ноября 1896 г. (ЛОА АН СССР. Ф. 246. Оп. 3. Ед. 322. Л. 1—2 об.).

²⁹ *Гризар* Х., ученый иезуит-теолог и знаток христианских древностей.

³⁰ См.: Пауль Э. Поддельная богиня. М., 1982. С. 160—167. («Тезоро Сакро и эзкар равенский: фальсификация лангобардских металлических изделий»). Поддельные раннехристианские предметы купил Джанкарло Росси и издал об этом роскошную книгу. Х. Гризар неопровержимо доказал невозможность подлинности Тезоро Сакро, но Джанкарло Росси не признавал этих доказательств, и предметы не попали в музей лишь благодаря бдительности работавшего там Джованни Баттиста Росси.

³¹ *Анджоллини* Бенедетто (первая половина XIX в.), библиотекарь Амброзианской библиотеки в Милане.

³² *Суччи* Эгидио-Франческо (XIX в.). В библиотеке Н. П. Лихачева есть каталог собрания автографов из коллекции Суччи; в архиве — несколько интересных документов из этой коллекции.

³³ *Корвизьери* Костантино (умер ок. 1899), профессор, «очень крупный коллекционер», имевший, по свидетельству Н. П. Лихачева, «удивительные вещи»: рукописи, кодексы, книги, печати, автографы. Ряд превосходных рукописей из этой коллекции Лихачеву удалось приобрести в свое собрание.

³⁴ Венские антиквары купили это собрание после того, как его отказался приобрести парижский антиквар Ноэль Шараве (см. ниже).

³⁵ Именно через П. Пьерри Лихачев приобрел частицу архива Аллация, о которой речь идет дальше (см.: Пьерри П.—Лихачеву Н. П.

21 мая 1906 г. из Рима//Архив ЛОИИ СССР АН СССР, западноевропейская секция, кол. 55).

³⁶ *Аллаций Лев* (1586—1669), ученый эллинист, хранитель Ватиканской библиотеки. «Частица архива» хранится в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР. Ф. 3. Карт. 3—4 (178 ед. хр.).

³⁷ *Ольшки* Лео Самуеле — основатель существующей и процветающей поныне флорентийской издательской и книготорговой фирмы, специализирующейся на научной гуманитарной литературе. Инициатор кампании против вывоза книг из Италии. Любопытно отметить, что один из сыновей Л. Ольшки, Чезаре, проходил обучение у парижского антиквара Оноре Шампиона (см. ниже).

³⁸ Великолепный научный журнал «Библиофилия», созданный Л. Ольшки и выходящий доныне, Лихачев выписывал и получал с начала издания и до первой мировой войны; этот комплект находится в полной сохранности в библиотеке ЛОИИ СССР АН СССР.

³⁹ *Лоцци* Карло (1829—1915), генеральный прокурор апелляционного суда, библиограф, основатель и директор журнала «Библиофил», 1879—1890 гг. в литературе есть упоминания, что он принимал участие в подделке старинных переплетов. Был ли Лихачев лично знаком с Лоцци — неизвестно, но его римский адрес есть в бумагах Лихачева.

⁴⁰ Превосходной художественной работы подделки под деревянные обкладки счетов налогового ведомства Сиенской коммуны XV в., изготовленные в конце XIX в. И. Йони, несмотря на свое несходство с подлинными, еще и совсем недавно вводили в заблуждение коллекционеров. Лихачев приобрел два отменных образца как шедевры «искусства подделки». Есть в его коллекции и подлинный сиенский архивный переплет XIII в.

⁴¹ Книжная торговля основана в 1852 г. Дженнаро Казелла под девизом «труд все превозможет». Сын его, Франческо (1860—1932), много писем которого к Лихачеву за 1902—1914 гг. сохранилось, почтительно называл своего русского клиента «мэтр мэтров автографов» и «великий знаток». Все же неясно, как мог Лихачев называть своего ровесника «стариком». Может быть, он начинал покупать еще у отца?

⁴² Неаполитанскому архиву не повезло во время обстрела города союзниками в 1943 г.: в здание попал снаряд, и часть фондов погибла.

⁴³ *Бароне Н.*, профессор, крупный специалист по филигранологии и палеографии, архивист. «Сегодня в архиве от старика проф. Бароне я выслушал самый лестный комплимент о моих сведениях по палеографии и сфрагистике», — писал Лихачев жене 30 мая 1907 г. из Неаполя (ЛОА АН СССР. Ф. 246. Оп. 3. Ед. 13. Л. 21 об.).

⁴⁴ Коллекция автографов и исторических документов Людвига Паара продана в Берлине в 1893 г. антикваром Альбертом Коном. Сохранившийся в библиотеке Лихачева каталог позволяет составить представление об этой «драгоценной коллекции», некоторые документы из которой Лихачев смог приобрести у А. Кона, например биографические материалы Бенвенуто Челлини.

⁴⁵ См.: Лихачев Н. П. О подделке итальянских автографов: Пер. с фр./Послел. «Н. П. Лихачев и подделки» и примеч. Л. Г. Климанова//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Вып. 21.

⁴⁶ Может быть, об одном из этих случаев напоминает запись Лихачева на письме Дмитрия Халкондила 1502 г.: «20 fl. Дурак — лишнее дал» (От Данте до Тассо. Каталог сочинений и писем итальянских гуманистов в собрании ЛОИИ СССР АН СССР/Сост. Л. Г. Катушкина. Л., 1972. С. 42).

⁴⁷ Так в каталогах коллекционеров и аукционов обозначаются письма, собственноручно написанные и подписанные автором, и письма только с его подписью-автографом.

⁴⁸ Сам Лихачев также при возможности сопровождал автограф или документ, относящийся к историческому лицу, его портретом.

⁴⁹ Лихачев получил от Л. Аццолини немало замечательных материалов: письмо гуманиста Марсилио Фичино, интереснейшую подборку писем к кардиналу П. Санта Кроче, рукопись с собственноручными заметками А. Полициано, которой посвящена одна из самых тонких и эрудированных послереволюционных работ Лихачева (Гуманистическое письмо и автографы гуманистов: рукопись, коллекционированная А. Полициано//Изв. АН СССР. 1926. № 9, 10—11. С. 787—1004). Отношения между двумя коллекционерами были очень теплыми, перед приездом в Виареджо в сентябре 1909 г., о котором идет речь, Аццолини писал: «...счастлив повидаться с Вами, побыть несколько дней в Вашей учнейшей компании, сердечно жму Вам руку» (ЛОА АН СССР. Ф. 246. Оп. 3. Ед. 64. Л. 11 об.). После смерти Аццолини в 1911 г. его брат при посредничестве Де Мариниса отыскал отдыхавшего и лежившегося в Виареджо Лихачева и предложил вместе разобрать оставленный Луиджи «большой тюк с пергаменами» (там же, л. 21—22 об.). Каков был исход этой затеи, не вполне ясно, поскольку еще и весной 1912 г. римский антиквар Д. Морганте сообщал Лихачеву, что коллекция Аццолини еще не продается.

Марескотти Галеаццо, папский нунций в Испании в 1649—1671 гг., его архив хранится в западноевропейской секции Архива ЛОИИ СССР АН СССР (Ф. 9. Карт. 310).

⁵⁰ *Морган* Джон Пирпонт (1837—1913), крупный американский предприниматель, располагавший огромными средствами для собирания произведений искусства, книг и рукопи-

сей, для которых выстроил превосходную библиотеку. Последние годы часто жил в Италии и умер в Риме. Его сын, Дж. П. Морган младший (1867—1943), также не был чужд этих занятий.

⁵¹ Неясно, какой автограф Б. Челлини требовал у Лихачева Морган. Автографы Челлини в коллекции Лихачева не отысканы.

⁵² *De Marinis* Таммаро (1878—1969), образованный антиквар, библиограф. Отойдя осенью 1924 г. от дел, много писал по вопросам библиографии, издал великолепное исследование по истории итальянского художественного переплета XV—XVI вв., участвовал в международном библиофильском движении (председатель итальянского комитета V конгресса, проходившего в 1967 г. в Венеции). О визите к Де Маринису в 1968 г. см.: Лазурский В. Путь к книге: Воспоминания художника. М., 1985. С. 154—159. Удачливый антиквар, Де Маринис находился в сношениях с крупнейшими собирателями своего времени. Переписка с Лихачевым шла до 1927 г.

⁵³ *Шампион* Жан-Батист-Оноре (1846—1913), один из крупнейших и авторитетных книготорговцев Европы, издатель нескольких научных журналов. Отношения Лихачева с наследниками О. Шампиона продолжались до конца 1916 г.

⁵⁴ См.: Маргарита Наваррская. Гептамерон. Л., 1967.

⁵⁵ В Архиве ЛОИИ СССР АН СССР хранится много документов, приобретенных через П. Люццетти, к сожалению, о нем самом ничего в доступной нам литературе отыскать не удалось.

⁵⁶ Сношения эти прервались в феврале 1917 г. Одним из самых ценных приобретений у Люццетти был документ на пергамене с собственноручной подписью известного деятеля контрреформации и церковного писателя кардинала Ц. Баронио (см.: Установления Тибрской Академии/Пер. с лат. Н. Б. Средина; Предисл. и примеч. Л. Г. Климанова//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1988. Вып. 20).

⁵⁷ А. Гено торговал на корсе Витторио Эммануэле, около Новой церкви. Что удалось приобрести через него — неизвестно, но из сохранившихся в архиве двух его писем Лихачеву видно, что он деятельно посредничал в пополнении сфрагистической коллекции последнего.

⁵⁸ Через «Римскую книжную торговлю» Джакомо Морганте приобретены несколько очень интересных папских булл (см. также примеч. 49).

⁵⁹ *Нардекья* Аттилио — удовлетворительными сведениями о нем не располагаем.

⁶⁰ Сношения с С. Боккой прервались в марте 1917 г.

⁶¹ *Клеричи* Карло (позднее Карло и Чезаре).

⁶² *Budan E. L'Amatore d'autografi. Milano, 1900; Vanbianchi C. Raccolte e raccogliato-*

ri d'autografi in Italia. Milano, 1901. «К сожалению, авторы этих новых книг оказались не на высоте своего положения: по-видимому, им недоставало ни эрудиции, ни хорошей исторической школы, а предшественников не было, брать пример было не с чего. Интересные по содержанию книжки представляют лишь намере на то, что следовало бы сделать настоящему ученому и что вышло бы весьма солидного объема, мало подходящего к популярным руководствам Хепли» (Лихачев Н. П. Дипломатика. С. 69).

⁶³ *Морбио* Карло (1811—1881).

⁶⁴ *Муони* Дамиано (1820—1894).

⁶⁵ *Арригони* Луджи (ум. 1886).

⁶⁶ 25 принадлежавших Петрарке манускриптов находились в собрании Л. Арригони и им описаны в вышедшей в 1883 г. книге.

⁶⁷ Российский посол при папском дворе К. А. Губастов писал из Рима 18 февр. 1904 г. Н. П. Барсукову: «Граф Полити должен был Лихачеву хартии и копии, но что-то „темнил“ с этим» (ЦГАЛИ. Ф. 87 (Барсуковы). Оп. 1. Ед. 83. Л. 247 об.).

⁶⁸ Имеется в виду Государственный архив во Флоренции.

⁶⁹ Несколько сохранившихся в архиве Лихачева писем Гвасталли за 1896—1909 гг. дают представление о богатом репертуаре его торговли автографами: известно также, что антиквар охотно давал своему русскому клиенту адреса владельцев автографов, желавших с ними расстаться.

⁷⁰ *Форти* Витторио был совладельцем фирмы Т. Де Маринис и К° с ее основания. Перед первой мировой войной разошелся с Де Маринисом и основал свое дело во Флоренции, сохранив добрые отношения с клиентами, о чем свидетельствуют его письма Лихачеву с фронта.

⁷¹ См. примеч. 52.

⁷² Фирма основана в 1871 г. Ульрико Хепли и существует донныне.

⁷³ Отношения завязались с Карло Брусколи в 1913 г., антиквар был рад приобрести такого «хорошего и любезного клиента», как он писал Лихачеву. Помимо писем от Брусколи приобретены поддельные доски, о которых шла речь в примеч. 40.

⁷⁴ Собрания писем (ит.).

⁷⁵ Переписка Бэра с Лихачевым длилась с 1896 по 1926 г. и насчитывает около 200 писем и счетов. Бэр также брал на комиссию книги самого Лихачева (ведь большую часть своих трудов он издавал на свой счет). Последней восточкой от Бэра был его каталог № 777 за 1931 г., нашедший Лихачева уже в астраханской ссылке в январе 1932 г.

⁷⁶ Последнее письмо Лихачеву Ж. Розенталь написал 27 июня 1914 г. за день до убийства в Сараево, в этом письме содержалось радужное приглашение. Мне неизвестно, побывал ли Лихачев в Мюнхене в свою последнюю, печальную окончившуюся из-за начавшейся войны по-

ездку за границу, но известно, что две отложенные у Жака Розенталя книги так и остались невостребованными.

Кто был втреченный Лихачевым крупнейший английский собиратель, остается только гадать. Может быть, А. Моррисон или В. Митчелл?

⁷⁷ *Розенталь* Людвиг (1840—1928), ему наследовал Норберт Розенталь, имя которого, однако, исчезает из справочников в 1935 г., вероятно, потому, что он разделил судьбу многих своих соплеменников при фашизме.

⁷⁸ С Отто Харрасовицем, лейпцигским антикваром, Лихачева также связывали интенсивные деловые отношения: сохранилось около 100 писем и счетов за 1903—1915 гг.

⁷⁹ Речь идет об испано-американской войне конца XIX в., в результате которой Испания лишилась своих владений в западном полушарии.

⁸⁰ От сношений с Карлом Гирземаном сохранилось более 100 писем и счетов за 1896—1914 гг.; много книг куплено у него, много своих книг передано ему на комиссию.

⁸¹ *Иниокедий III*, папа с 1198 по 1216 г., инициатор четвертого крестового похода, имевшего последствием падение Византийской империи и выход европейских государств к Черному морю.

⁸² Через Л. Липмансона, берлинского антиквара, было приобретено много интересных автографов ученых, в том числе из ценнейших коллекций Неринга и Бернера, а также некоторые материалы русского происхождения.

⁸³ Берлинский антиквар Альберт Кон в свое время помогал знаменитому библиофилу С. А. Соболевскому в его собирательской деятельности, приезжал в Москву уговаривать его продать библиотеку, позднее написал вступительную часть к каталогу книг Соболевского, продававшихся после его смерти в Лейпциге фирмой Лист и Франке.

⁸⁴ Много автографов, главным образом немецких, приобретено у этой лейпцигской фирмы и Лихачевым.

⁸⁵ Фирма И. А. Штаргардт основана в 1834 г.

⁸⁶ Документы с гербами (нем.).

⁸⁷ «Отпущения грехов» (лат.).

⁸⁸ См. об этом: Немецкие и французские библиофилы // *Антиквар*. 1902. № 3. С. 104—105.

⁸⁹ *Берглинг* Рихард.

⁹⁰ *Радовиц* Йозеф Мариа (1797—1853), прусский государственный деятель, собиратель автографов. Коллекция продана в Лейпциге в 1864 г. В коллекции Лихачева есть два собственноручных письма Радовица.

⁹¹ В доступной литературе не отыскалось сведений об этом коллекционере. В коллекции Лихачева есть великоленный венецианский пергаменный документ XV в. из коллекции Позонци, купленный у боннского антиквара Фридриха Коена.

⁹² Богатая коллекция автографов берлин-

ского банкира Александра Майер-Кона (1853—1904) была продана фирмой И. А. Штаргардта в 1905 г. В двух частях каталога описаны около 3500 автографов. Многие из них приобретены Лихачевым.

⁹³ В коллекции Лихачева встречаются документы из этой коллекции, но, как и в ряде других случаев, сведений о самом коллекционере отыскать не удалось.

⁹⁴ Коллекция Хайнриха Лемперца продавалась в Кельне в 1900—1901 гг. через фирму его сына И. М. Хеберле. В коллекции Лихачева есть как автографы из этой коллекции, так и собственноручный автограф Лемперца.

⁹⁵ Русский коллекционер тоже не упустил своей удачи. В коллекции Лихачева есть автографы обоих с примечательными надписями, сделанными рукой Лихачева, на обложках: «Мартин Лютер. L. A. F. Драгоценность!» и «Эразм Роттердамский. L. A. F. Очень ценный автограф».

⁹⁶ Вытеснение конкурента, принуждение его отступить.

⁹⁷ См.: Munby A. N. L. *The Cult of the Autograph Letter in England*. London, 1962.

⁹⁸ *Филипп* Томас (1792—1872), о нем см.: Кунин В. Библиофилы и библиоманы. М., 1984. В коллекции Лихачева есть примечательная папка с его надписью на обложке: «NB. Редчайшие издания сэра Томаса Филиппа документов из его собрания. Печатал в собственной типографии в нескольких экземплярах. Н. Л. NB. К истории собрания автографов (история дипломатики)».

⁹⁹ *Моррисон* Альфред (1821—1897), собиратель произведений искусства и автографов, последние 30 лет жизни были главным образом отданы собиранию автографов. Созданная им экстраординарная коллекция едва вместились в изданные при его жизни 6 фолиантов каталога. В архиве сохранились следы внимательного изучения Лихачевым этого каталога.

¹⁰⁰ Через братьев Мэггс, фирму, основанную в 1860 г., Лихачев приобрел немало интересных английских автографов.

¹⁰¹ От лондонского антиквара-книготорговца Джеймса Трегаскиса Лихачев получал главным образом книги и каталоги библиотек и коллекций.

¹⁰² От сношений со знаменитой поныне фирмой «Сотби, Уилкинсон и Ходж» сохранилась обширная переписка, начавшаяся в 1903 г. и прервавшаяся лишь в ноябре 1917 г.: о приобретении египетских древностей, материалов из коллекции Т. Филиппа, автографов из различных английских собраний.

¹⁰³ Много книг и рукописей куплено Лихачевым у Бернарда Кварича. Отношения не изменились и с началом войны, сильно затруднившей, но не прервавшей собирательской работы. Вот выдержки из писем Кварича военного времени: «...готов держать рукописи и документы для Вас до времени, когда их можно

будет безопасно отправить» (5 окт. 1914 г.), «держу книги до конца войны, я верю — скорого» (19 апр. 1916 г.). Лихачев продолжал заказывать по каталогам и оплачивать покупки — последний перевод послан в феврале 1917 г., — но так и не увидел их.

¹⁰⁴ Свой первый каталог П. М. Барнард послал Лихачеву по просьбе его кембриджского друга Э. Миннса в 1908 г., последний получил также через Миннса в марте 1934 г. Переписка продолжалась до конца 1917 г. (Барнард, как и Кварич, держал книги и рукописи Лихачева, отобранные и оплаченные им): «Нам в Англии совершенно невозможно понять, что же сейчас происходит в России, и я могу лишь выразить горячую надежду на добрый исход» (5 дек. 1917 г.).

¹⁰⁵ Положение существенно не изменилось и в настоящее время.

¹⁰⁶ Через фирму Карла Эрнеста Хенрики приобретены многие интересные автографы, в том числе английских королей из ганноверской династии. К. Э. Хенрики «дружески посвящено» автором Е. Вольбе «Пособие для собирателей автографов» (Берлин, 1923).

¹⁰⁷ Записка Н. П. Лихачева о составе его архива. С. 65.

¹⁰⁸ «Точное воспроизведение почерков и подписей знаменитых людей». В коллекции Лихачева есть письма М. Вильнава и Ж. Берака к разным лицам.

¹⁰⁹ Точнее говоря, Огюст Лаверде в 1865 г. уступил свой «кабинет» Габриелю Шараве (1818—1879).

¹¹⁰ Э. Шараве (1848—1899) был признанным «непогрешимым папой» в деле определения автографов (Eudel P. Le traquage. Paris, 1884. P. 287), автором «Критического этюда о средствах распознавания фальшивых автографов» и других работ.

¹¹¹ Поддельный счет (бордеро) был одним из документов, на основании которых французский суд в 1894 г. признал офицера генерального штаба А. Дрейфуса виновным в шпионаже в пользу Германии. См. знаменитую речь Э. Золя «Я обвиняю» (1898 г.). «Дело» Дрейфуса буквально раскололо французское общество на два лагеря. В 1899 г. — оправдан, в 1906 г. — реабилитирован. Э. Шараве, как и другие эксперты по автографам, исключал Дрейфуса как возможного исполнителя Бордеро (См.: Винберг А. И. Черное досье экспертов-фальсификаторов. М., 1990. С. 142—195).

¹¹² Имеется в виду Рауль Бонне (Bonnet).

¹¹³ Действительно, только в фонде Лихачева в ЛОА АН СССР переписка с Н. Шараве (его счета и письма) за 1898 — октябрь 1917 г. насчитывает более 250 листов — больше, чем с другим зарубежным антикваром. В годы войны, хотя торговля шла очень вяло и Н. Шараве жаловался в 1915 г., что если так дело пойдет и дальше, то нечего будет помещать в каталог,

Лихачев все же много отмечал и оплачивал счета до октября 1917 г. Н. Шараве держал все приобретенное до конца войны, дабы не рисковать пересылкой по почте. Одно из писем военного времени позволяет узнать, что Н. Шараве прибегал к консультациям своего ученого русского клиента, не боясь поколебать свою репутацию, что, безусловно, свидетельствует об очень добрых отношениях.

¹¹⁴ После смерти Габриеля дело перешло к его сыну Эжену, а затем ко вдове. Сохранившиеся в архиве счета и письма позволяют проследить отношения Лихачева с этим домом с 1898 по 1934 (35?) г.

¹¹⁵ Майков Леонид Николаевич (1839—1900), историк русской литературы, академик.

¹¹⁶ Спешно уезжая в августе 1914 г. из Парижа, Лихачев оставил там последние купленные лично документы, за которые расплачивался в последующие годы. В 1934 (35?) г., получив неожиданно от владельцев фирмы небольшую сумму, оставшуюся на его счету еще со времен войны, Лихачев пишет в ответ горестные строки: «...период между 1893 и 1917 г., когда я так любил коллекционировать документы и автографы, это было время, когда я был переполнен рвения разыскивать старинные хартии для моего музея палеографии и дипломатики».

¹¹⁷ См. примеч. 53.

¹¹⁸ О Петре Петровиче Дубровском (1754—1816) см.: Бернадская Е. В., Воронова Т. П. Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского. Л., 1963.

¹¹⁹ Ротшильд А. де (1872—1946), доктор медицины, главный врач созданной им поликлинической больницы, директор журнала по детской гигиене и патологии, собиратель произведений искусства и живописи, обладатель одной из лучших библиотек старинных книг во Франции, построил и передал Парижу в 1929 г. театр Пигаль. К рассказу о визите к Ротшильду в тексте доклада есть примечание: «Стал потом писателем, подвергся нападению и вообще имел приключения». Действительно, А. де Ротшильд написал несколько имевших успех пьес (под псевдонимом Андре Паскаль), плавал в 20—30-е годы на собственной тысячетонной яхте «Эрос» по разным морям. Драгоценную коллекцию автографов, показанную Лихачеву, вскоре подарил в одно из государственных хранилищ Франции.

¹²⁰ См. примеч. 45.

¹²¹ Лихачев ошибался: Ротшильд был женат и к тому времени, то есть не ранее 1902 г. (дата написания статьи о подделках), имел троих детей.